

Владимир Бенедиктов

Стихотворения (1884 г.)

Владимир Бенедиктов
Стихотворения (1884 г.)

«Public Domain»

1884

Бенедиктов В. Г.

Стихотворения (1884 г.) / В. Г. Бенедиктов — «Public Domain»,
1884

«Творец! Ниспошли мне беды и лишения, Пусть будет мне горе и спутник
и друг! Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья, Глубокий, прекрасный,
священный недуг!...»

Содержание

Стихотворения 1830-1840-х годов	5
В альбом Е. А. Карлгоф	5
Е. А. Карлгоф	6
Москва	7
Молитва	10
Совет	11
Беглец	12
К А. П. Гартонг	14
Авдотье Павловне Гартонг	16
Дружба	18
К товарищам детства	19
Ты холодна	21
Подражание персидскому	23
Маленькой Женин	24
Калиф и Раб	25
На кончину А. Т. Корсаковой 11 декабря 1842 года	26
Монастыркам	27
После чтения А. П. Гартонг	29
Порыв	30
Она была добра	31
Цветок	32
Догадка	34
Л. Е. Ф.	35
Как хороша!	36
Ужин у кардинала Ришелье	37
Два клада	47
Звездочет	52
Стихотворения 1860-1870-х годов	55
И. А. Гончарову	55
Человек	57
Звездочка	59
Три власти Рима	61
Его не стало (написано на смерть В. А. Каратыгина)	66
Ф. Н. Глинке	68
Выпущенная птичка	70
Любовь музыканта	71
Рашель	72
Благодарю вас за цветы	74
Мелочи жизни	76
Малое слово о великом	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

В. Г. Бенедиктов

Стихотворения (1884 г.)

Стихотворения 1830-1840-х годов

В альбом Е. А. Карлгоф

Вы новой жизнью дарили
Меня в тот памятный мне час,
Когда стихи мои хвалили
Хвалой мне лестной в первый раз.
Не дорожу я криком света,
Весь мир мне холоден и пуст,
Но мило мне из ваших уст
Именование поэта.
Итак, да буду я певец,
Да буду возвеличен вами
И мой сомнительный венец
Пусть блещет вашими лучами.

Е. А. Карлгоф

Не обиженный судьбами,
Награжденный за мечты,
Повергаю перед вами
Вам знакомые цветы.
Вы их, сирых, обласкали,
Из безвестности немой
К свету путь им указали
Благосклонной похвалой.
И теперь, чтоб вышел краше
Скудный сбор стихов моих,
Светлый вид улыбки вашей
Отпечатайте на них.

1836

Москва (Дума)

День гас, как в волны погружались
В туман окрестные поля,
Лишь храмы гордо возвышались
Из стен зубчатого Кремля.
Одета ризой вековой,
Воспоминания полна,
Явилась там передо мною
Страны родимой старина.
Когда над Русью тяготело
Иноплеменное ярмо
И рабство резко впечатлело
Свое постыдное клеймо,
Когда в ней распри возникали,
Князья, забыв и род и сан,
Престолы данью покупали,
В Москве явился Иоанн.
Потомок мудрый Ярослава
Крамол порывы обуздал,
И под единою державой
Колосс распавшийся восстал.
Соединенная Россия,
Изведав бедствия оков
Неотразимого Батые,
Восстала грозно на врагов.
Почуя близкое паденье,
К востоку хлынули орды,
И их кровавые следы
Нещадно смыло истребленье.
Потом и Грозный, страшный в брани,
Надменный Новгород смирил
И за твердынями Казани
Татар враждебных покорил.
Но, жребий царства устроая,
Владыка грозный перешел
От мира в вечность, оставляя
Младенцу-сыну свой престол;
А с ним, в чаду злоумышлении
Бояр, умолк закона глас –
И, жертва тайных ухищрений,
Младенец царственный угас.
Тогда, под маскою смиренья
Прикрыв обдуманый свой ков,
Взошел стезею преступленья
На трон московский Годунов.

Но власть, добытая коварством,
Шатка, непрочен чуждый трон,
Когда, поставленный над царством,
Попран наследия закон;
Борис под сению державной
Недолго бурю отклонял:
Венец, похищенный бесславно,
С главы развенчанной упал...
Тень убиенного явилась
В нетленном саване молвы –
И кровь ручьями заструилась
По стогнам страждущей Москвы,
И снова ужас безначалии
Витал над русскою землей, –
И снова царству угрожали
Крамолы бранною бедой.
Как божий гнев, без укоризны
Народ все бедствия сносил
И о спасении отчизны
Творца безропотно молил,
И не напрасно, – провиденье,
Источник вечного добра,
Из праха падших возрожденье
Явило в образе Петра.
Посланник боговдохновенный,
Всевышней благодати завет,
Могучей волей облеченный,
Великий рек: да будет свет
В стране моей, – и Русь прозрела;
В ряду его великих дел
Звезда счастливая блестела –
И мрак невежества редел.
По мановенью исполина,
Кругом – на суше и морях –
Обстала стройная дружина,
Неотразимая в боях,
И, оперенные громами,
Орлы полночные взвились, –
И звуки грома меж строями
В подлунной славой раздались.
Так царство русское восстало!
Так провиденье, средь борьбы
Со мглою света, совершало
Законы тайные судьбы!
Так, славу Руси охраняя,
Творец миров, зиждитель сил
Бразды державные вручил
Деснице мощной Николая!
Престольный град! так я читал

Твои заветные преданья
И незабвенные деянья
Благоговейно созерцал!

Январь 1837

Молитва

Творец! Ниспошли мне беды и лишенья,
Пусть будет мне горе и спутник и друг!
Но в сердце оставь мне недуг вдохновенья,
Глубокий, прекрасный, священный недуг!

Я чувствую, боже: мне тяжело здоровье;
С ним жизни моей мне невидима цель.
Да будет же в мире мне грусть – изголовье,
Страдание – пища, терпенье – постель!

Земная надежда, как призрак исчезни!
Пусть мрачно иду я тропой бытия!
Но в сладких припадках небесной болезни
Да снидет мне в душу отрада моя!

Когда же, отозван небес произволом,
Меня он покинет – желанный недуг,
И дар мой исчезнет, и стройным глаголом
Не будет увенчан мой тщетный досуг, –

Дозволь мне, о небо, упавшему духом,
Лишенному силы, струнами владеть, –
На звуки склоняясь внимательным слухом,
Волшебные песни душой разуметь!

С земли воздымаясь до горнего мира,
Пророческий голос отрадой мне будь!
До сердца коснется знакомая лира –
Увлажатся очи и двинется грудь!

1838 или начало 1839

Совет

Когда судьба тебя послала
В тернистый, трудный жизни путь
И пищей скорби упитала
Твою взволнованную грудь,
И если небом заповедан
Тебе священный крест любви, –
Живи один! Кому ты предан –
С собой в путь мрачный не зови!
Пусть тяжело с милым нам созданием
Не разделить судьбы своей,
Но верь: стократно тяжелей
Его терзать своим страданьем!

Весна 1839

Беглец

От грусти-злодейки, от черного горя
В волнение бежал я до Черного моря
И воздух в пути рассекал как стрела,
Злодейка догнать беглеца не могла.
Домчался я, стали у берега кони,
Зачуяло сердце опасность погони...
Вот, кажется, близко, достигнет, найдет
И грудь мою снова змеей перевьет.

Где скроюсь я? Нет здесь дубов-великанов,
И тени негусты олив и каштанов.
Где скроюсь, когда после яркого дня
Так ярко луна озаряет меня;
Когда, очарованный ночи картиной,
Бессонный, в тиши, над прибрежной стремниной
Влачу я мечтой упоенную лень
И, малый, бросаю огромную тень?
Где скроюсь? Томленьем полуденным полный,
Уйду ль погрузиться в соленые волны?
Тоска меня сыщет, и в море она
Поднимется мутью с песчаного дна.
Пущусь ли чрез море? – На бреге Тавриды
Она меня встретит, узнает, займет
И больно в глубоких объятьях сожмет.

Страшусь... Но доселе ехидны сердечной
Не чувствуя жала, свободный, беспечный,
Смотрю я на южный лазоревый свод,
На лоно широко раскинутых вод
И, в очи небес устремив свои очи,
Пью сладостный воздух серебряной ночи...

Зачем тебе гнаться, злодейка, за мной?
Помедли, беглец возвратится домой.
Постой, пред тобою минутный изменник,
Приду к тебе сам я – и снова твой пленник,
В груди моей светлого юга красу
Как новую пищу тебе принесу
И с новою в сердце скопившейся силой
Проснись для страданья, для песни унылой.

А ныне, забывший и песни и грусть,
Стою, беззаботный, на бреге Эвксина,
Смотрю на волнистую грудь исполина
И волн его говор твержу наизусть.

29 июня 1839
Одесса

К А. П. Гартонг

В стране, где светлыми лучами
Живее блещут небеса,
Есть между морем и горами
Земли цветущей полоса.
Я там бродил, и дум порывы
Невольно к вам я устремлял,
Когда под лавры и оливы
Главу мятежную склонял.
Там часто я, в разгуле диком,
В свободных, царственных мечтах,
Вас призывал безумным кликом, –
И эхо вторило в горах.
О вас я думал там, где влага
Фонтанов сладостных шумит,
Там, где гиганта Чатырдага
Глава над тучами парит,
Там, где по яхонту эфира
Гуляют вольные орлы,
Где путь себе хрусталь Салгира
Прошиб из мраморной скалы;
Там, средь природы колоссальной,
На высях гор, на ребрах скал,
Оставил я мой след печальный
И ваше имя начертал,
И после – из долин метались
Мои глаза на высоты,
Где мною врезаны остались
Те драгоценные черты.
Они в лазури утопали,
А я смотрел издалека,
Как солнца там лучи играли
Или свивались облака...

Блеснет весна иного года,
И, может быть, в желанный час
Тавриды пышная природа
В свои объятья примет вас.
Привычный к высям и оврагам,
Над бездной дола, в свой черед,
Татарский конь надежным шагом
Вас в область молний вознесет;
И вы найдете те скрижали,
Где, проясняя свой удел
И сердца тайные печали,
Я имя ваше впечатлел.

Быть может, это начертанье –
Скалам мной вверенный залог –
Пробудит в вас воспоминанье
О том, кто вас забыть не мог!

Но я страшусь: тех высей темя
Обвалом в бездну упадет,
Или завистливое время
Черты заветные сотрет,
Иль, кроя мраком свет лазури
И раздирая облака,
Изгладит их ревнивой бури
Неотразимая рука...
И не избегну я забвенья,
И, скрыта в прахе разрушенья,
Бесценной надписи лишась,
Порой под вашими стопами
Мелькнет не узнанная вами
Могила дум моих об вас!

Сентябрь – октябрь 1839

Авдотье Павловне Гартонг
(На память прогулки в Парголове 8-го августа 1840 г.)

Наш край и хладен и суров,
Покрыто небо мглой ненастной,
И вместо солнца шар чуть ясный
Меж серых бродит облаков.
Но иногда – вослед деннице, –
Хоть редко, хоть однажды в год,
Восстанет утро в багрянице,
И день весь в золоте взойдет,
И, пропылав в лазурных безднах,
Утонет в пурпурной заре,
И выйдет ночь в алмазах звездных
И в чистом лунном серебре.
Счастлив, кого хоть проблеск счастья
В печальной жизни озарил!
Счастлив, кто в сумраке ненастья
Улыбку солнца захватил!

Суров наш край. Кругом всё плоско.
В сырой равнине он лежит.
В нем эхо мертвое молчит
И нет на клики отголоска.
Без обольщения окрест
Скользят блуждающие взгляды.
Но посреди сих скудных мест
Есть угол воли и отрады.
Там рощи скинулись шатром
И отразились озерами,
И дол, взволнованный холмами,
Широким стелется ковром;
Под светлым именем Парнаса
Пригорок стал среди холмов,
И тут же сельского Пегаса
Хребет оседланный готов.
Блажен, кто там хотя однажды
С своею музою летал
И бурный жар высокой жажды
Стихом гремучим заливал!

Суров наш край, повит снегами, –
И часто, вскормлены зимой,
В нем девы с ясными очами
Блестят безжизненной красой.
Но есть одна... зеницу ока
Природа жизнью ей зажгла

И ей от Юга и Востока
Дары на Север принесла.
Блажен, кто мог ей, полн смиренья,
Главой поникшею предстать
И гром и пламя вдохновенья
Пред ней как жертву разметать!
Счастлив и тот, кто, полн смущенья,
Покорно голову склоня,
Принес ей бедное творенье
На память золотого дня,
Когда, в пучину светлой дали
Из-под клубящейся вуали
Летучий погружая взор
И рассекая воздух звонкой,
Она летала амазонкой
По высям парголовских гор, –
И как на темени Парнаса,
В прохладе сумрачного часа
Сама собой озарена,
Под темным зелени навесом
Она стояла – и за лесом
Стыдливо пряталась луна!

Август 1840

Дружба

Любовь отвергла ты... но ты мне объявила,
Что дружбу мне даришь; благодарю, Людмила!
Отныне мы друзья. Освобожден от мук,
Я руку жму твою: благодарю, мой друг!
С тобой беседуя свободно, откровенно,
Я тихо приклонюсь главою утомленной
На дружескую грудь... Но что я вижу? Ты
Краснеешь... Вижу стыд и робость красоты...
Оставь их! Я в тебе уже не властелинку,
Но друга признаю.....

.....
В любви – остерегись: для ней нужна ограда;
А мы, второй пример Ореста и Пилада,
Должны быть запросто. Условий светских груз
Не должен бременить наш искренний союз.
Прочь робкие мечты! Судя и мысля здраво,
Должны любовникам мы предоставить право
Смущаться и краснеть, бледнеть и трепетать;
А мы... Да осенит нас дружбы благодать!
На долю нам даны лишь пыл рукопожатий,

.....
Да, как бы ни было, при солнце иль луне,
Беседы долгие... в тиши... наедине.

1841

К товарищам детства

В краю, где природа свой лик величавый
Венчает суровым сосновым венцом
И, снегом напудрив столетни дубравы,
Льдом землю грунтует, а небо свинцом;
В краю, где, касаясь творений начала,
Рассевшийся камень, прохваченный мхом,
Торчит над разинутой пастью провала
Оскаленным зубом иль голым ребром;
Где – в скудной оправе, во впадине темной,
Средь камней простых и нахмуренных гор
Сверкает наш яхонт прозрачный, огромный –
Одно из великих родимых озер;
Где лирой Державин бряцал златострунной,
Где воеет Кивача «алмазна гора»,
Где вызваны громы работы чугунной,
Как молотом божьим – десницей Петра;
Где след он свой врезал под дубом и сосной,
Когда он Россию плотил и ковал –
Державный наш плотник, кузнец венценосный,
Что в деле творенья творцу помогал, –
Там, други, по милости к нам providенья,
Нам было блаженное детство дано
И пало нам в душу зерно просвещенья
И правды сердечной святое зерно.
С тех пор не однажды весна распахнулась
И снова зима пролегла на Руси!
Не раз вокруг Солнца Земля повернулась
И сколько вращалась кругом на оси!
И сколько мы с ней и на ней перемчались
В сугубом движенье, по жизни – вперед!
Иные уж с пылкими днями расстались,
И к осени дело! И жатва идет.
Представим же колос от нивы янтарной,
Который дороже весенних цветов, –
Признательность, други, души благодарной –
Один из прекрасных, чистейших плодов.
Пред нами единый из сеявших семя;
На миг пред своими питомцами он;
Созревшие дети! Захватим же время
Воздать ему вкупе усердный поклон!
И вместе с глубоким приветом рассудка
Ему наш сердечный привет принести
В златую минуту сего промежутка
Меж радостным «здравствуй» и тихим «прости»
И родине нашей поклон и почтенье,

Где ныне, по стройному ходу годов,
За нами другое встает поколение
И свежая зреет семья земляков, –
Да здравствует севера угол суровый,
Пока в нем онежские волны шумят,
Потомками вторится имя Петрово
И бардом воспетый ревет водопад!

13 февраля 1841

Ты холодна

Авдотье Павловне Гартоиз

Тебе не нужно звонких слов,
Ни гимнов жертвенных поэта,
Ни звуков лестного привета –
Нет! И клянусь огнем стихов, –
С тех пор, как я тебя завидел
И петь и славить возлюбил, –
Тебя я лестью не обидел,
Пустой хвалой не оскорбил!
Чуждаясь неги бесполезной,
Тебе был внятн и не дик
Мой тяжкий ямб, мой стих железный
И правды кованный язык.
Я не хотел к тебе приблизить
Любви лукавую мечту
И вялой нежностью унизить
Суровой думы высоту.
Небес заветных в край лазурный
Себе полет я воспретил
И стон – порою слишком бурный –
Не раз в груди остановил.

Ты жизнь уму, а сердцу – кара, –
Знать, так назначено судьбой!
Ты холодна... но холод твой
Милей полуденного жара.
Устав от душной суеты,
Отраднo горю и томленью
Найти приют под свежей тенью
Твоей разумной красоты.
Тому, кто вырвется из ада
Житейских дел, где тяжело
Проклятьем сдавлено чело, –
Сладка эдемская прохлада!
Но если – к раю приведен –
Проникнуть вдаль помыслит он,
Отколь блаженства воздух пашет, –
Твой острый взор тогда над ним
Подъят, как меч, которым машет
Привратник рая – херувим!
Спасен, кто в сфере испытанья,
Испив твой взор, вкусивши речь,
Успел от вечного страданья
Остаток сердца уберечь!

Ты холодна... Так видит око!
Ты вся как мраморный кумир,
Но сердце женщины глубоко, –
В нем можно спрятать целый мир.
Трудна извитая дорога
К тому, что скрыто в этой мгле.
Тайн много на небе у бога,
Но тайны есть – и на земле!

23 февраля 1841

Подражание персидскому

Не мечи из-под ресницы
Стрел разящих на меня!
Под огнем твоей зеницы
Уж и так повержен я.
Ты красою всемогущей
Всех богаче в сей стране –
Я убогий, неимущий, –
Дай же милостину мне!

1842

Маленькой Женни

Вместо куклы в модном платье,
Женни, вот тебе занятье:
Я принес мои стишки!
Ждать ли мне за это ласки?
Рада ль ты? Горят ли глазки?
Шевелятся ли ушки?
Лепечи пока, малютка,
Рифмы легкие шутя!
Скоро будешь институтка,
Скоро вырастешь, дитя!
Расцветешь, как цвет махровый.
И к тебе – не знаю кто –
Уж поэт напишет новый,
И напишет уж не то!
Ты успеешь в той поэме
Тайну милую постичь;
Вспомни, Женни, в это время
Я уж буду старый хрыч
Иль косою саженью глубже
Буду тлеть в земле сырой.
Не забудь же – приголубь же
Хоть надгробный камень мой.
Пусть над ним головку склонит
Женни резвая слегка
И приветная рука
Ветку зелени уронит
На могилу старика!

1842

Калиф и Раб

Ум свой в думы погрузив,
За столом сидел калиф.
Пред владыкой величавым
Раб трепещущий его
Блюдо с пышущим пилавом
Опрокинул на него.

Грозен, страшен, как судьба,
Посмотрел он на раба;
Тот, готов расстаться с светом,
Прошептал полуживой:
«Рай обещан Магометом
Тем, кто гнев смиряет свой».

«Не сержусь», – сказал калиф,
Укрощая свой порыв.
Ободряясь, отирает
Раб холодный пот с чела.
«Рай – и тем, – он продолжает, –
Кто не памятует зла».

«Забываю». – Веселей
Стал калиф, а раб смелей:
«Надо в светлый рай для входа
И за зло платить добром».
– «Раб! Дарю тебя свободой
И осыплю серебром».

От восторга раб едва
Мог опомниться сперва,
Пораженный этим чудом, –
А калиф смотрел, признав
Самым вкусным сердцу блюдом
Опрокинутый пилав.

Между 1835 и 1842

На кончину А. Т. Корсаковой 11 декабря 1842 года

Она угасла – отстрадала,
Страданье было ей венцом;
Она мучительным концом
Достигла светлого начала.
Грустна сей бренной жизни глушь,
В ней счастья нет для ясных душ, –
Их мучит тяжело и жестоко
Невольный взгляд на море зла,
На вид ликующий порока
И света скучные дела, –
И, гордо отвергая розы
И жизни праздничный сосуд,
Они на часть себе берут
Святые тернии и слезы.
Отрада их в житейской мгле
Одна – сочувствовать глубоко
Всему, что чисто и высоко,
Что светит богом на земле.
Удел их высших наслаждений
Не в блеске злата и серебра,
Но посреди благотворения,
В священных подвигах добра!

Так, перейдя сей дольней жизни
Добром запечатленный путь,
Она взлетела – отдохнуть
В своей божественной отчизне.
Тяжелый опыт превозмочь
Судьба при жизни ей судила, –
Она давно невесту-дочь
В тот мир нетленный отпустила.
И, переждав разлуки срок,
Спеша к родимой на свиданье,
Она другую на прощанье
Земле оставила в залог,
Чтоб там и здесь свой образ видеть
И, утешая лик небес,
Земли печальной не обидеть,
Где светлый быт ее исчез!

11 декабря 1842

Монастыркам При выпуске 1842

Вот он, муз приют любимый,
Храм наук, обитель дев,
Оком царственным хранимый
Вертоград страны родимой,
Счастья пламенный посев,
Юных прелестей рассадник,
Блага чистого родник,
Неземных даров тайник,
Гроздий полный виноградник,
Небом дышащий цветник!

Это – мир, где жизнью вешней
Веет, дышит круглый год;
Это – мир, но мир не здешний,
В нем гроза цветов не рвет,
Вихрь не зыблет сей теплицы,
Терн не входит в сей венец, –
Чисты белые страницы
Этих бархатных сердец.
Здесь тлетворное страданье
Не тревожит райских снов,
Здесь одно лишь – обожанье,
Тайнам неба подражанье.

.....

Срок придет, и под крылами
Разлучительных минут
Пред несметными очами
Многоцветными лучами
Девы белые блеснут;
Группой радужно летучей
Промелькнут, волшебный клир
Морем трепетных созвучий
Обольет прощальный пир;
И из райского чертога
Разлетится племя роз,
Оставляя у порога
В благодарность перлы слез.

Так, до дня мирозданья,
В слитный сплавлено венец,
Рдело божие сиянье,
Но едва изрек творец,
И творения убранство,

Звезды, перлы естества,
Вспыхнув, брызнули в пространство
С диадемы божества;
И, простясь одна с другою
И облекшись в благодать,
Стали розно над землею
Миру темному сиять;
И во мгле земного быта
Есть для каждого одна, –
Тайна жизни в ней сокрыта
И судьба заключена.

Так, но грозный миг разлуки, –
Чуя славу впереди,
Сжаты огненные звуки
В поэтической груди;
Зреют, спеют молодые,
Долго на сердце лежат –
Срок наступит, и родные
Крупным хором задрожат,
Хлынут звонкою слезою,
И, рассыпаны певцом,
Эти звуки под грозою
В мир уходят за венцом!

Срок настал: из врат науки,
Из священной глубины
Излетайте, божьи звуки,
Звезды русской стороны!
Свет проникнут ожиданьем, –
Взвейтесь, дивные, в эфир
И негаснущим сияньем
Очаруйте бедный мир!

1842

После чтения А. П. Гартонг

Когда в ее очах небесных пламень блещет
И полный, звонкий стих в устах ее трепещет,
То бурно катится, сверкает и звучит,
То млеет, нежится, струится и журчит, –
Я жадно слушаю страстей язык могучий
И таю под огнем пронзительных созвучий;
Всё глубже ноет грудь, и сердцу горячей,
И просится слеза из каменных очей.

Конец 1830-х- начало 1840-х годов

Порыв

Нет, милые друзья, – пред этой девой стройной
Смущаем не был я мечтою беспокойной,
Когда – то в очи ей застенчиво взирал,
То дерзостный мой взор на грудь ее склонял,
Любуясь красотой сей выси благодатной,
Прозрачной, трепетной, двухолмной, двураскатной.
Роскошный этот вид и гордость на челе
Являли мне тогда богиню на земле.
Я вас не понимал, – мне чужд был и несроден
Ваш чувственный восторг. От дум земных свободен,
Я чувство новое в груди своей питал:
Поклонник чистых муз – желаньем не сгорал
Удава кольцами вкруг милой обвиваться,
Когтями ястреба в пух лебедя впиваться –
Нет! – Жрец изящного – я мыслил: в этот миг
К чему мне звуков дар, гремучий мой язык?
О, если бы теперь, сим видом упоенный,
Я был сын древности, ваятель вдохновенный!
Блеснул бы в этот миг мне Фидия венец,
Луч яркий божества во грудь мою проникнул,
«Вот перси дивные! – тогда бы я воскликнул. –
Подайте мрамор мне! Подайте мне резец!»
И с мраморной скалы я б грубый череп скинул,
И перси из нее божественные вынул,
И жизнью облил их. Казалось бы, оне,
Сокрыв огонь страстей в бездонной глубине,
На миг оцепенев под искусом желанья,
Наполнились волной мятежного дыханья,
И, бурный вздох в себе стараясь удержать,
Готовы – закипеть, хотят – затрепетать;
И всё, что в них влекло б к земному оболыщенью,
Слегка полузакрыв кудрей волнистых тенью,
Богини чистый лик я вывел бы светло
И думу строгую ей бросил на чело,
Лоб смертный, подходя, вдруг вспыхивал, как пламень,
И, дерзкий, мнил обнять богоподобный камень.
Но, взоры возведя на светоносный лик,
Мгновенно б головой преступною поник,
Молитву произнес в ограду от волнений
И, бледный, преклонил дрожащие колени.

1845

Она была добра

Забуду ли ее? – Она вилась, как змейка,
Сверкая искрами язвительных очей,
А всё ж была добра мне милая злодейка,
И за свою любовь я благодарен ей.
Мою докучливость она переносила,
Мое присутствие терпела; даже грусть,
Грусть вечную мою, глубокую – щадила,
Страдать позволила и говорила: «Пусть!
Пускай он мучится! Странствие полезно.
Пусть любит он меня, хоть любит нелюбезно!
Пускай надеется! Зачем ему мешать
И вдохновляться мной, и рифмы совершать?
Для песен пламенных ему я буду темой,
И он потешит нас гремучею поэмой!»
Я пел, – и между тем как с легкого пера
Катился бурный стих, мучительный и сладкой,
Она, лукавая, смеялась... но украдкой –
Итак, – не правда ли? – она была добра?

1846

Цветок

Есть цветок... его на лире
Вечно славить я готов.
Есть цветок... он в грустном мире
Краше всех других цветов.
То цветок не однолетний:
Всё милее, всё приветней
Он растет из году в год
И, дивя собой природу,
По семнадцатому году
Полной прелестью цветет.
Он подьмется так статно,
Шейка тонкая бела,
А головка ароматна,
И кудрява, и мила.
Он витает в свете горнем,
И, пленительно живой,
Он не связан грязным корнем
С нашей бедною землей.
Не на стебле при дорожках
Неподвижно одинок –
Нет, – на двух летучих ножках
Вьется резвый тот цветок.
От невзгод зимы упрямой
Жизнь его охранена
За двойной ревнивой рамой
Светозарного окна, –
И, беспечный, он не слышит
Бурь, свистящих в хладной мгле:
Он в светлице негой дышит,
Рдеет в комнатном тепле.
Непонятное растенье!
Нежен, хрупок каждый сгиб:
Лишь одно прикосновенье –
И прелестный цвет погиб!

Увлекая наши взоры,
Слабый, ищет он опоры,
Но страшитесь! Он порой,
Томный, розово-лилейный,
Дышит силой чародейной,
Колдовством и ворожкой.
Полный прелести, он разом
Сердце ядом напоит,
Отуманит бедный разум,
Обольстит и улетит!

1848

Догадка

Когда ты так мило лепечешь «люблю»,
Волшебное слово я жадно ловлю;
Оно мне так ново, и странно, и чудно;
Не верить мне страшно, а верить мне трудно.
На праздное сердце певца твоего,
Быть может, ты кинула взгляд сожаленья
И, видя в нем глушь, нищету, запустенье,
Размыслила: «Дай я заполню его!»
Он мил быть не может, но тихо, бесстрастно
Я буду ласкать его сирий порыв;
Не боле, чем прежде, я буду несчастна,
А он – он, быть может, мной будет счастлив!»
И с ангельским, кротким, небесным приветом
Ко мне обратился твой дружеский взор,
И в сердце моем, благодатно согретом,
Мечты и надежды воскресли с тех пор.

1848

Л. Е. Ф.

Есть два альбома. Пред толпою
Всегда один из них открыт,
И всяк обычною тропюю
Туда ползет, идет, летит.
Толпа несет туда девице –
Альбома светлого царице –
Желаний нежные цветы
И лести розовой водицей
Кропит альбомные листы.
Там есть мечты, стихи, напевы
И всякий вздор... Но есть другой
Альбом у девы молодой, –
Альбом тот – сердце юной девы.
Сперва он весь как небо чист,
Вы в нем ни строчки не найдете,
Не тронут ни единый лист
В его багряном переплете.
Он – тайна вечная для нас,
Толпа сей книжки не коснется, –
Для одного лишь в некий час
Она украдкой развернется, –
И счастлив тот, кто вензель свой,
Угодный ангелу-девице,
Нарежет огненной чертой
На первой розовой странице!

Между 1842 и 1850

Как хороша!

Перед нею умилением
Свято теплилась душа,
И, проникнут упоением,
Я шептал с благоговением:
«Боже мой! Как хороша!»

Но чрез миг, пред милым ликом
Страстным пламенем дыша,
Задрожав в восторге диком,
Пал я ниц с безумным криком:
«Черт возьми! Как хороша!»

Между 1842 и 1850

Ужин у кардинала Ришелье

Комната в гостинице на дороге из Парижа в Рюэль, где находится загородный дом кардинала-министра. В каминеразведен огонь. Пожилой человек сидит у камина и просушивает измокшую свою одежду. Это – Гоше, незначительный парижский ремесленник из улицы Сен-Дени. От времени до времени видны проблески молнии и слышны раскаты грома.

Гоше (один)

Какая буря! Черт возьми!
Досадно! Вот и остановка!
Вот так-то с бедными людьми
Всегда бывает, – всё неловко,
Всё не под стать, везде беда.
Сам бог немилостив к ним – да!
Где нужно ведро – шлет им бурю.
Знать, не для бедных создан свет!

Молния и гром.

Ишь как блестит, гремит! Да нет!
Уж я глаза себе зажмурю
И уши наглухо заткну,
А до Рюэля донырну,
Хоть в море обратись дорога!
Чай, мул мой отдохнул немного
Теперь в конюшне – свежих сил
Себе подбавил. В самом деле,
К чему ж заране я уныл?
Ведь к сроку буду ж я в Рюэле!

Входит проезжий в мокрой одежде.

Незнакомец (не видя Гоше)

Э! Время терпит. Отдохну
В гостинице.
(Подойдя к камину и увидя Гоше.)
Ах, извините!
Я думал: к один здесь...

Гоше

Ну!
Так что ж такое? – Стул берите,
И сядем вместе у огня.
Ведь вы проезжий здесь, я – тоже,
Вы не помеха для меня.

Притом я тотчас еду...

Незнакомец

Боже!
В такую бурю?
(В сторону.)
Как он мил,
И прост, и вежлив в обращенье!

Гоше

Что ж делать? Я бы не спешил,
Когда б не крайность. Приглашенье
Такое важное! Вовек
Не ожидал... да вот – поди же!
Да придвигайте стул поближе!

Незнакомец (в сторону)

Ужели знатный человек?
В нем вовсе нет дворянской спеси,
Я думал – он из нашей смеси
Простонародной.

Гоше

Я спешу
В Рюэль, и вас сказать прошу:
Куда ваш путь?

Незнакомец

Да я – туда же –
В Рюэль. Притом скажу вам даже –
И я по крайности почти.

Гоше

Так вот – нам вместе б по пути!
Я – человек нецеремонный,
И если вы так благосклонны...

Незнакомец (в сторону)

Когда б он знал, кто я!

(Вслух.)

Весьма
Приятно ваше предложенье,
Но – этой бури кутерьма
Меня пугает. Приглашенье,
Сказали вы, торопит вас.
Меня ж в Рюэль влечет приказ.
Я тороплюсь по тяжкой службе,
Которой сил нет выносить.
А вы?.. Могу ли вас спросить?..

Гоше

Да как сказать-то вам? – По дружбе
Недавней, новой для меня.
В Рюэле, с нынешнего дня,
Каким-то случаем, мне темным,
Попасть я должен в знатный круг.

Незнакомец

Позвольте... Быть боюсь нескромным
Через такой вопрос... Ваш друг...
Он кто такой?

Гоше

Не бойтесь! – Тайны
Тут нету. Это так – случайно
Всё вышло. Переход мой быстр.

Незнакомец

Так кто же?..

Гоше

Кардинал-министр,
Сам Ришелье. Да.

Незнакомец (*встает*)

Извините!
А я так запросто...

Гоше

Сидите!
Всё вздор! Не лезть же мне в князя
Иль графы! Выслушайте: я

Мещан лишь знаю – нашу братью
И не яхшался век со знатью.
Куда мне? Боже упаси!
У герцогов Монморанси
Служили, правда, поварами
Отец и дед мой, – вот вся связь
Моя со знатными домами –
И та злой казнью прервалась
Над герцогом. Я просто – скудный
Ремесленник парижский. Тут,
Я говорю вам, случай чудный –
И только. Вдруг мне подают
Записку. Развернул – зовут
Меня... Не знаю – видно, нужен
Я кардиналу стал... на ужин
К нему сегодня. Боже мой!
Всё закружилось в околотке, –
Кричат, разинулись все глотки:
«Смотрите! Экой ведь какой
Гоше счастливец-то на свете!»
Я одурел. Жена и дети
Засуетились и сейчас
Давай мне туалет мой ладить,
Скоблить и чистить, мыть и гладить;
Всё приготовили как раз.
Гляжу – ну просто чародейство!
Вы понимаете? У вас,
Быть может, также есть семейство,
Которое вас любит, ждет...

Незнакомец

Жена и дети есть.

Гоше

Ну вот,
Как нас судьба во всем сближает!
Так ваше сердце понимает,
Что чувствует теперь мое!
Да, быть кому господь назначил
Отцом... Позвольте – как я начал
Рассказ-то? – Да! Мой фрак, белье –
Всё приготовлено, и стекла
Очков протерты – ну, взглянуть,
Так любо! Снарядился в путь –
И вот – извольте! – всё промокло
Насквозь. Чай, бедная жена
И дочери теперь в тревоге.

Но я не стану на дороге –
Нет, я до цели доберусь,
Хоть мокрой курицей явлюсь
На приглашенье кардинала
С ним ужинать. Такая честь,
Вы согласитесь, ведь немало
И пользы может мне принести
Существенной: мои делишки
Поправятся, теперь нужда
И недостатки – а тогда,
Надеюсь, будут и излишки.
Тогда и ближним услужу,
Жену, детей принаряжу;
Гордиться, право, я не буду,
И вас, поверьте, не забуду
При случае.
(Подает Незнакомцу руку.)
Коль у двора
Упрочу я себе местечко –
В виду имейте человечка!
Однако мне пора, пора!
Прощайте! Продолжать беседу
Мне больше некогда. Я еду.

(Гоше надевает на себя верхнюю одежду, берет шляпу, встряхивается и оправляется, а между тем Незнакомец рассуждает сам с собою.)

Незнакомец

Мне жаль его. Какой добряк!
За что погибнет он? Конечно,
За вздор! И как бесчеловечно
Смеются! Ужинать бедняк
Готовится и ожидает
Великих милостей; семья
Его с восторгом провожает
В дорогу... Боже мой! И я
Быть должен гибельным орудьем
Подобных дел! И правосудьем
Зовут их! Нет, не потерплю!
Нет! Я его остановлю.
(Громко, к уходящему Гоше.)
Послушайте! эй, воротитесь!

Гоше *(остановясь в дверях)*

Но... я спешу.

Незнакомец

Не торопитесь!
Два слова выслушайте!

Гоше (*возвращаясь*)

Я
Вас слушаю.

Незнакомец

Душа моя
Полна невольным к вам участием.
Не думайте, что вас за счастьем
Зовут в Рюэль! На ужин там
Людскою кровью хлебы месят.
Туда опасно ехать вам.

Гоше

Что ж мне там будет?

Незнакомец

Вас – повесят.

Гоше

О, это слишком уж... За что?

Незнакомец

Да так. Быть может, и за то,
Что вы Монморанси жалели
Казненного.

Гоше

О, слова нет!
Жалел. Ведь мой отец и дед
При кухне герцогов имели
Места и должность, и всегда
Превозносили их. О, да!
Как не жалеть! Притом казненный
Такой был добрый, благосклонный
К нам – беднякам.

Незнакомец

Быть может, вслух
Вы сожалели, хоть невольно!

Гоше

Да, помнится, но лишь при двух
Иль трех приятелях.

Незнакомец

Довольно,
И даже слишком.

Гоше

Неужель
Из этого весь случай вышел?
Я говорил тайком.

Незнакомец

Он слышал.

Гоше

Издалика...

Незнакомец

Дошло в Рюэль.

Гоше

Помилуйте! Ведь каждый дышит,

Вздыхает...

Незнакомец

Кардинал всё слышит.

Гоше

Да разве страшен я ему?
Что мой ему ничтожный говор?
Я говорил лишь потому,
Что мой отец – любимый повар
Был герцога. Поплакал я,
Ручей из глаз невольно вытек.

А то мне что? Я не политик
И дел их хитрых не судья.
Что мне политика? Да рухни
Она совсем!

Незнакомец

А иногда
У кардинала не чужда
Она ни поваров, ни кухни.
Он зорко смотрит и туда,
И там всё чует, слышит, видит.
Вы плакали, – он ненавидит
И смех, и слезы. Ни того,
Ни этого, и ничего –
Не нужно.

Гоше

Знаете его,
Как видно, вы весьма подробно.

Незнакомец

Да. Мне рассматривать удобно
Его с изрядной высоты
При зрелищах его любимых.
Его трудов неутомимых.
Я вникнул в красные черты.

Гоше

Но кто ж вы? Мне понять вас трудно.
Всё это странно мне и чудно,
Я столько вижу тут задач
Мудреных. Боже мой! Откройтесь!
Скажите: кто вы?

Незнакомец

Я – палач.

Гоше в ужасе отступает.

Нет, это ничего, не бойтесь.
За откровенность вашу я
Вам заплачу теперь своею.
Действительно, судьба меня
Сближает с вами. Я имею,

Как вы, призвание в Рюэль.
В одну и ту же метя цель,
2 От общей бури мы укрылись
В одной гостинице, – и вот
Мы здесь сошлись, разговорились,
И сердце сердцу весть дает.
Скажу, откинув лицемерье, –
Мне кажется, я вам доверье
К себе внушил, и вы мне тож.
При первом взгляде узнаешь
Иного и готов до гроба
Ему служить. Семейны оба
Мы с вами, счастливы в семьях
И в небольших живем кругах –
В простонародье, но со знатью
Подчас знакомят нашу братью.
Вот вы на ужин собрались
Блестящий, где меж господами
Сидеть предполагали сами;
Но – вы мечтою увлеклись
И были б жертвой вероломства;
Мои ж со знатными знакомства
Известны всем. Кровавый путь
Назначен мне судьбой моею:
Пред ними все сгибают шею –
Я ж должен сам им шеи гнуть
Моими рабскими руками.
Мы оба с челядью в смеси:
Отец и дед ваш поварами
У герцогов Монморанси
Служили; сам я был в работе
При герцоге, на эшафоте
Ему служба в последний раз.
Теперь в Рюэль – вы всё сравните –
Вы быть повешенным спешите.
Туда ж я призван вешать вас.
Но – нет! Я лучше сам в удавку
Пойду! Уж я давно хотел
Проситься в чистую отставку
От множества нечистых дел.
Злодеев истинных немало, –
Пусть их бы. Обществу служить
Ведь надо ж чем-нибудь – и жить
С семейством; но у кардинала
Такие прихоти порой,
Что я не в силах... Он игрой
Считает это!.. Поезжайте
Скорей в Париж – в обратный путь,
А там и дальше как-нибудь,

И никому не открывайте,
Что здесь вы виделись со мной,
Ни даже искреннему другу, –
Иль я погибну за услугу,
Кадош-палач.

Гоше (*с чувством пожимая ему руку*)

Спаситель мой!

(*Поспешно удаляется.*)

Между 1842 и 1850

Два клада

Старый Ян имел два клада,
Не доступных никому,
И одна была отрада
В них на старости ему.

Первый клад, что рыцарь в латах,
Был – окованный сундук,
Где чистейшее в дукатах
Береглось от хищных рук.

Клад второй была младая
Светлоликая жена,
Чистотою – ангел рая,
Обольщением – сатана.

Два голкондские алмаза –
Глазки, глазки – у! – беда!
Грудь – фарфоровая ваза,
Зубы – перлы в два ряда.

И ценя такие блага,
И не ведая утрат,
Посвятил им старый скряга
Хилых дней своих закат.

Заберется ль в кладовую –
Он целует все места,
Пыль глотает золотую.
Золотит свои уста.

Всё сочтет, – сундук заветный
Закрепит тройным замком,
Подрожит – и, неприметный,
Ускользает вон тайком.

После старческие ласки
Он жене своей дарит,
Подойдет, ей взглянет в глазки
И лукаво погрозит.

То, как ценный самородок,
Кудри взвесит на руке,
То возьмет за подбородок
Иль погладит по щеке.

Клад и этот цел – он видит,
И старик безмерно рад,
Подожит и, скорчась, выйдет,
Но замкнет и этот клад.

Между тем проходят годы,
Он дряхлеет каждый миг,
И могильный зов природы
Слышит трепетный старик.

Жалко старому два клада
Бросить в мире – приуныл.
Первый клад он в угол сада
Ночью снес и там зарыл.

Не ходи в людскую руку!
Спи тут! Дело решено...
Но – куда другую штуку
Скроешь? – Вот что мудрено.

Как бы женку-то припрятать?
Как бы эту запереть,
И замкнуть, и запечатать,
А потом уж умереть?

Вот давай ее он кликать:
«Душка! Эй, поди сюда!
Жаль мне – будешь горе мыкать:
Я умру – тебе беда!

Попадешь в чужие люди, –
Ведь тебя не сберегут,
Пух твоей лебяжьей груди
Изомнут и изорвут.

Ты слыхала ль от соседок?
Ведь другие-то мужья
Жен своих и так и эдак...
Уж совсем не то, что я!

Ты была мне что невеста
От венца до этих пор,
Я тебе и честь, и место,
Да и двери на запор.

А умру – подобной чести
Не дождешься никогда.
Знаешь что? – Умрем-ка вместе!
Смерть ведь, право, не беда.

Согласись, мой розан алый!
Средство мной уж найдено», –
Та в ответ ему: «Пожалуй!
Хоть умрем – мне всё равно»,

«Ну, так – завтра. Ты покайся
Прежде мне, открой себя, –
Ведь сосед-то наш, признайся,
Подговаривал тебя?»

«Что. таить, коль дело к смерти?
Я не отопрюсь никак».
– «Ишь соседи! Эки черти!
Я уж знал, что это так.

Он хотел тебя, как видно,
Увезти, скажи, мой свет!»
– «Да; но мне казалось стыдно...
У него ж деньжонок нет;

Сам раздумает, бывало,
Да и скажет: «Подождем!
Ведь у скряги-то немало
Кой-чего – мы всё возьмем»».

«Ах, бездельник голоперый!
Ишь, так вот он до чего!
Человек-то стал я хворый,
А не то – уж я б его!»

«Успокойся же, папаша! –
Яну молвила жена. –
Вспомни: завтра участь наша
Будет смертью решена.

Ты и сам, быть может, грешен.
Как меня ты запирал
И замок тут был привешен –
Ты куда ходил?» – «В подвал».

«Может, душенька какая
Там была... признайся, хрыч!
Тяжкий грех такой скрывая,
Адской муки не накличь!

Ведь из аду уж не выдешь!
Что ж там было?» – «Ну... дитя...»
– «Незаконное! – вот видишь!

Говори-ка не шутя!

Грешник! Бог тебя накажет». – «Что ты, дурочка? Мой сын Мной не прижит был, а нажит – Не от эдаких причин».

Призадумалась в кручине
Женка Яна, а супруг
Продолжал ей речь о сыне,
Разумея свой сундук:

«Мой сынок в пыли валялся,
Был в оковах, мерз зимой,
Часом звонко отзывался,
Желтоглазый был такой;

Не гульбу имел в предмете,
На подъем нелегок был, –
И уж нет его на свете:
Я его похоронил».

Тут порыв невольный взгляда
При улыбке старика
Обратился в угол сада
На могилу сундука.

«Что туда ты смотришь зорко? –
Подхватила вдруг жена. –
Там – в углу как будто горка, –
Не могилка ль там видна?

Не сынок ли твой положен
Там, куда ты так взглянул?»
Ян замялся – и, встревожен,
Помолчав, рукой махнул:

«Всё земля возьмет. И сами
Мы с нее в нее пойдём.
После все пойдут за нами:
Те все порознь, мы – вдвоем.

Завтра кончим!» Но настало
Божье утро, Ян глядит:
Женки словно не бывало,
Угол сада весь разрыт.

Что-то хуже смерти хлада
Он почуял и дрожит.

Вдруг пропали оба клада.
На столе письмо лежит.

Ужас кровь ему морозит...
То рука жены его:
«Твой сосед меня увозит
С прахом сына твоего».

Между 1842 и 1850

Звездочет

На острове Гюэне, близ Копенгагена, находилась обсерватория Тихобраге, устроенная для него королем Фридрихом II. Здесь знаменитый астроном занимался наблюдениями в течение двадцати лет. По смерти Фридриха Тихобраге должен был искать другого пристанища. Через 50 лет и следов огромного здания обсерватории уже не было, но остался еще один старец, который показывал любопытным место, где-то здание находилось, и рассказывал об астрономе, которого помнил.

Супротив столицы датской
Есть неважный островок.
Жил там в хижине рыбацкой
Седовласый старичок –
Стар-престар. Приезжих двое,
Путешественники, что ль,
Кличут старого: «Позволь
Слово молвить!» – «Что такое?»
– «Ты ведь здешний старожил,
Объясни ж нам: здесь каменя –
След какого-то строенья.
Что тут было? Кто тут жил?»
– «Рассказать вам? Гм! Пожалуй!
Человек я здесь бывалый.
Был тут, видите, дворец!» –
Старец молвил наконец.
«Как? Дворец?» – «Ну да, чертоги
С башней. Было тут тревоги,
Было всякого труда
При постройке. Сам тогда
Здесь король быть удостоил;
Фридрих наш Второй и строил
Всё своей казною». – «Вот!
Кто же жил тут?» – «Звездочет.
Весь дворец с огромной башней
Был ему что кров домашний,
Я прислуживал ему;
Вырос я в простонародстве,
А уж тут и в звездочетстве
Приучился кой к чему.
Служба всё была средь ночи.
Часом спать хочу – нет мочи,
А нельзя, – звезда идет!
Иногда, бывало, гредишь,
А за ним туда же лезешь:
Уж на то и звездочет!
Только он ее завидит –
Дело кончено! Тогда
Просто наша та звезда

Уж, сердечная, не выдет
Из-под глазу – нет! Куда?
Хоть с другими вровень светит,
А уж он ее заметит
И включит в свой список – да!
Нам, бывало, с ним в привычку
От поры и до поры
Поименно перекличку
Звездам делать и смотры.
Был я словно как придверник
Неба божьего, а сам
Что хозяин был он там –
Уж не то что как Коперник!
Тот, вишь, выложил на план,
Что Земля вкруг Солнца ходит.
Нет, шалит он, колобродит –
Как не так! Держи карман!
Вот! Ведь можно упереться
В Землю, – как же ей вертеться,
Если человек не пьян?
Ну, вы сами посудите!
Приступал я и к нему –
Звездочету своему:
«Вот, мол, батюшка, скажите!
Не попасться бы впросак!
Говорят и так и так;
Мой и темный разум сметил,
Что молва-то нас мутит.
Ведь – стоит?» И он ответил
Утвердительно: «Стоит».
У него ведь как в кармане
Было небо, лишь спросить;
Он и сам весь мир на плане
Расписал, чему как быть.
Я своими сам глазами
Видел план тот. Эх, дружки!
Всё круги, круги с кружками,
А в кружках опять кружки!
Я кой-что, признаться стыдно,
Хоть и понял, да не вплоть;
Ну, да где ж нам?.. Так уж, видно,
Умудрил его господь!
Нам спроста-то не в примету,
В небе, чай, кругов не счесть,
Смотришь так – кажись, и нету,
А ведь стало быть, что есть.
Да чего! Он знал на мили
Смерить весь до Солнца путь
И до Месяца; смекнуть

Всё умел. Мы вот как жили!
Да к тому же по звездам
Рассчитать судьбу всю нам
Мог он просто, как по пальцам,
Наверняк. Не для того ль
Здесь его и постояльцем
Во дворец пустил король?
Умер Фридрих – и прогнали
Звездочета, приказали
Изломать его дворец.
Я прощался с ним, – мудрец
0 Был спокоен. «Жаль, ей-богу, –
Снарядив его в дорогу,
Я сказал. – Вам до конца
Жить бы здесь! Теперь такого
Не добыть уж вам другого
Видозвездного дворца!
Просто – храм был!» Он рукою
Тут махнул мне и сказал:
«Этот храм всегда со мною!» –
И на небо указал.
1 Грустно было мне. Остался
Я как будто сиротой.
После ночью просыпался,
Смотришь – нет уж башни той,
Где и сон клонил, бывало;
Тут – не спится, дашь глазам
Чуть лишь волю, – те – к звездам!
Все знакомки ведь! Немало
Я их знал по именам,
Да забыл теперь; и входит
Дума в голову: наводит,
Чай, теперь свой зоркий глаз
Там он, звездочки, на вас!
На которую – не знаю...
Вот смотрю и выбираю, –
А узнать дай силу бог, –
Так бы вот и впился глазом,
Чтоб смотреть с ним вместе – разом;
Может, я б ему подмог
И отсюда!.. Глупой мысли
Не посмейтесь, господа!» –
И рассказчик смолк тогда,
Две слезы с ресниц нависли
И слились исподтишка
По морщинам старика.

Между 1842 и 1850

Стихотворения 1860-1870-х годов

И. А. Гончарову (Перед кругосветным его путешествием)

И оснащен, и замыслами полный,
Уже готов фрегат твой растолкнуть
Седых морей дымящиеся волны
И шар земной теченьем обогнуть,

Под бурями возмужествуй упрямо!
Пусть вал визжит у мощного руля!
Вот Азия – мир праотца Адама!
Вот юная Колумбова земля!

И ты свершишь плавучие заезды
В те древние и новые места,
Где в небесах другие блещут звезды,
Где свет лиет созвездие Креста.

Поклон ему! Взгляни как триумфатор
На сей трофей в хоругвях облаков,
Пересеки и тропик и экватор –
И отпируй сей праздник моряков!

И если бы тебе под небесами
Неведомых антиподов пришлось
Переверстаться с здешними друзьями
Ногами в ноги, головами врозь, –

То не роняй отрады помышленья,
Что и вдали сердечный слышен глас,
Что не одни лишь узы тяготенья
Всемирного соединяют нас.

Лети! – И, что внушит тебе природа
Тех чудных стран, – на пользу и добро
Пусть передаст, в честь русского народа,
Нам твой рассказ и славное перо!

Прости! – Вернись и живо и здорово
В суровые приневские края,
И радостно обнимут Гончарова
И Майковы, и все его друзья.

Сентябрь – начало октября 1852

Человек

Много жизненных вопросов
Тем решив, что всё пустяк,
Жил когда-то грек-философ –
Удивительный чудак.
Он ходил как жалкий нищий,
Полунаг и босиком,
И питался грубой пищей,
Сыт был брошенным куском;
В бочке жил; лучами солнца
Освещаем и согрет,
Он героя-македонца,
Покорившего весь свет,
И царя, и полубога,
Гордой просьбой удивил:
«Отодвинься, брат, немного, –
Ты мне солнце заслонил».
О, давно минувши лета!
Незапамятная старь!
Днем, при полной силе света,
Диоген зажег фонарь,
И в толпе народа шумной
Он идет, кругом глядит.
«Ищешь ты кого, безумный?»
– «Человека», – говорит.
Строгий циник видел грека
И в хитоне, и в плаще,
Но не видел человека
И искал его вотще.
Если б шел он в век из века
Вплоть до нынешних времен –
И доньше человека
Всё искал бы Диоген!

Ход веков мы видим ясно,
Нам истории скрижаль
Открывает беспристрастно
Дней давно протекших даль.
Что ж там? – Несколько сокровищ,
Много хламу жизни сей,
Много там людей-чудовищ,
Лжелюдей, полулюдей;
Всюду брани, козни, ковы,
Видны – римлянин суровый,
Грубый скиф и хитрый грек;
Много смертных полудиких,

Много малых, горсть великих...
Где же просто человек?
Был один. Он шел без грома,
Полон истины огнем.
Можно было «Ессе homo!»
Смело вымолвить о нем.
Он на всех смотрел с любовью,
Всех к бессмертью, как на пир,
Призывал, и чистой кровью
Он своей опрыснул мир.
Этот мир был им испуган;
Он был схвачен, был поруган,
Был оплеван, был казнен
От ватаги фарисейской
Смертью крестного, злодейской,
И в венке терновом он
Оцет пил средь смертной жажды...
«Человек, однако, мог
Нам явиться хоть однажды?»
– Нет, о люди, то был – бог!

Не позднее 25 апреля 1853

Звездочка

День докучен, днем мне горько.
Вот он гаснет... вот угас....
На закате меркнет зорька...
Вот и звездочка зажглась.

Здравствуй, ясная! Откуда?
И куда? – А я всё тут.
На земле всё так же худо,
Те же терния растут.

Над землей подьемлясь круто
К беспредельной вышине,
Что мелькаешь ты, как будто
Всё подмигиваешь мне?

Не с блаженством ли граничишь
Ты, приветная звезда?
И меня ты, мнится, кличешь,
Говоришь: «Пооди сюда!

Круг разумных здесь созданий
Полон мира и любви,
Не заводит лютых браней,
Не купается в крови.

Здесь не будешь горе мыкать,
Здесь не то, что там у вас.
Полно хмуриться да хныкать!
Выезжай-ка в добрый час!

Тут нетряская дорога,
Легкий путь – ни грязь, ни пыль!
Воли много, места много».
– А далёко ль? Сколько миль?

Ох, далёко. Нам знакомы
Версты к Солнцу от Земли,
А с тобой и астрономы
Рассчитаться не могли.

Соблазнительным мерцаньем
Не мигай же с вышины, –
Благородным расстояньем
Мы с тобой разделены.

Сочетаньем кончить сделку
Трудно, – мы должны вести
Вечно взглядов перестрелку
Между «здравствуй» и «прости».

Знаю звездочку другую, –
Я хоть ту достать хочу –
Не небесную – земную, –
Мне и та не по плечу!

Так же, может быть, граничит
С райским счастьем та звезда,
Только та меня не кличет,
Не мигнет, – поди сюда!

Блещет мягче, ходит ниже –
Вровень, кажется, со мной,
Но существенно не ближе
Я и к звездочке земной.

И хоть так же б кончить сделку,
Как с тобой, – с ней век вести
Хоть бы взоров перестрелку
Между «здравствуй» и «прости»!

Не позднее 25 апреля 1853

Три власти Рима

Город вечный! Город славный!
Представитель всех властей!
Вождь когда-то своенравный,
Мощный царь самоуправный
Всех подлунных областей!
Рим – отчизна Сципионов,
Рим – метатель легионов,
Рим – величья образец,
В дивной кузнице законов
С страшным молотом кузнец!
Полон силы исполинской,
Ты рубил весь мир сплеча
И являл в руке воинской
Всемогущество меча.
Что же? С властью толикой
Как судьба тебя вела?
Не твоим ли, Рим великой.
Лошадь консулом была?
Не средь этого ль Сената –

В сем чертоге высших дел –
Круг распутниц, жриц разврата
Меж сенаторов сидел?
И не твой ли венценосный
Царь – певун звонкоголосный
Щеки красил и белил,
И, рядясь женообразно,
Средь всеобщего соблазна
Гордо замуж выходил,
Хохотал, и пел, и пил,
И при песнях, и при смехе
Жег тебя, и для потехи,
В Тибре твой смиряя пыл,
Недожженного топил,
И, стреляя в ускользнувших,
Добивал недотонувших,
Недостреленных травил?
Страшен был ты, Рим великой,
Но не спасся, сын времен,
Ты от силы полудикой
Грозных севера племен.
Из лесов в твои границы
Гость косматый забежал –
И воскормленник волчицы
Под мечом медвежьим пал.

Город вечный! Город славный!
Крепкий меч твой, меч державный
Не успел гиганта спасти, –
Меч рассыпался на части, –
Но взамен стальной сей власти
Ты явил другую власть.
Невещественная сила –
Сила Римского двора
Ключ от рая захватила
У апостола Петра.
Новый Рим стал с небом рядом,
Стал он пастырем земли,
Целый мир ему был стадом,
И паслись с поникшим взглядом
В этой пастве короли
И, клонясь челом к подножью
Властелина своего,
С праха туфли у него
Принимали милость божью
Иль тряслись морозной дрожью
Под анафемой его.
Гроб господен указуя,
И гремя, и торжествуя,
Он сказал Европе: «Встань!
Крест на плечи! меч во длань!»
И Европа шла на брань
В Азию, подобно стаду,
Гибнуть с верою немой
Под мечом и под чумой.
Мнится, папа, взяв громаду
Всей Европы вперегиб,
Эту ношу к небу вскинул,
И на Азию низринул,
И об гроб Христов расшиб;
Но расшибенное тело,
Исцеляясь, закипело
Новой жизнью, – а он
Сам собой был изнурен –
Этот Рим. – С грозой знакомый,
Мир узрел свой тщетный страх:
Неуместны божьи громы
В человеческих руках.
Пред очами света, явно,
Римских пап в тройном венце –
Пировал разврат державный
В грязном Борджиа лице.
Долго в пасть любостыжаний
Рим хватал земные дани

И тучнел от дольних благ,
За даянья отпирая
Для дающих двери рая.
Всё молчало, – встал монах,
Слабый ратник августинской,
Против силы исполинской,
И сильней была, чем меч,
О Ополчившегося речь, –
И, ревнуя к божьей славе,
Рек он: «Божью благодать
Пастырь душ людских не вправе
Грешным людям продавать».
Полный гнева, полный страха,
Рим слышал речь монаха,
И проклятьем громовым
Грозно грянул он над ним;
Но неправды обличитель
1 Вновь восстал, чтобы сказать:
«Нам божественный учитель
Не дал права проклинать».

Город вечный! – Чем же ныне,
Новой властью какой –
Ты мечом иль всесвятыней
Покоряешь мир людской?
Нет! пленять наш ум и чувства
Призван к мирной ты судьбе,
Воссияла мощь искусства,
Власть изящного в тебе.
В Капитолий свой всечитимый
На руках ты Тасса мчал
И бессмертья диадимой
Полумертвого венчал.
Твой гигант Микель-Анжело
Купол неба вдвинул смело
В купол храма – в твой венец.
Брал он творческий резец –
И, приемля все изгибы
И величия печать, –
Беломраморные глыбы
Начинали вдруг дышать;
Кисть хватал – и в дивном блеске
Глас: «Да будет!» – эта кисть
Превращала через фрески
В изумительное: «Бысть».
Здесь твой вечный труд хранится,
Перуджино ученик,
Что писал не кистью, мнится,
Но молитвой божий лик;

Мнится, ангел, вея лаской,
С растворенной, небом краской
С высоты к нему спорхнул –
И художник зачерпнул
Смесь из радуг и тумана
И на стены Ватикана,
Посвященный в чудеса,
Взял и бросил небеса.

Рим! ты много крови пролил
И проклятий расточил,
Но творец тебе дозволил,
Чтоб, бессмертный, ты почил
На изящном, на прекрасном,
В сфере творческих чудес.
Отдыхай под этим ясным,
Чудным куполом небес!
И показывай вселенной,
Как непрочны все мечи,
Как опасен дух надменный, –
И учи ее, учи!
Покажи ей с умиленьем
Santo padre своего,
Как святым благословеньем
Поднята рука его!
Прах развалин Колизея
Чужеземцу укажи:
«Вот он – прах теперь! – скажи. –
Слава богу!» – Мирно тлея,
Бойня дикая молчит.
Как прекрасен этот вид,
Потому, что он печален
И безжизнен, – потому,
Что безмолвный вид развалин
Так приличен здесь всему,
В чем, не в честь былого века,
Видно зверство человека.
Пылью древности своей,
Рим, о прошлом проповедуй,
И о смерти тех людей
Наставительной беседой
Жить нас в мире научи,
Покажи свои три власти,
И, смилив нам злые страсти,
Наше сердце умягчи!
Чтоб открыть нам благодать божью,
Дать нам видеть божество, –
Покажи над бурной ложью
Кротких истин торжество!

1852 или 1853

Его не стало (написано на смерть В. А. Каратыгина)

Его не стало... Нет светила русской сцены –
Первослужителя скорбящей Мельпомены.
Плачь, муза сирая, – его уж в мире нет.
Фингал, Донской, Ермак, Людовик, Лир, Гамлет,
Цари, что из гробов им к жизни вызывались,
Вторичной смертию все ныне в нем скончались. –
Здесь ревностный денщик великого Петра,
Там бешеный игрок, ревнивый мавр вчера,
Сегодня он – король, вождь ратный иль посланник,
А завтра – нищий, раб, безумец иль изгнанник,
Там в пышной мантии, а тут в лохмотьях весь,
Но истинный артист везде – и там, и здесь,
С челом, отмеченным печатаю таланта;
Везде в нем видел мир глашатая-гиганта,
В игре, исполненной и чувства и ума,
Везде он был наш Кин, наш Гаррик, наш Тальма,

Мне видится театр. Все полны ожидания.
Вдруг – поднят занавес – и взрыв рукоплесканья
Раздался, – это ты, ты вышел, исполин!
Обдуман каждый шаг, ряды живых картин –
Его движения и каждый взмах десницы;
В бровях – густая мгла, гроза – из-под ресницы.
Он страшен. На лице великость адских мук.
В его гортани мрет глухих рыданий звук,
Волнуемая грудь всем слышимо клокочет,
И в хохоте его отчаянье хохочет.
Он бледен, он дрожит – и пена на устах,
И, судорожно сжав в трепещущих перстах
Сосуд с отравой, он пьет... в оцепененье
Следите вы его предсмертное томленье –
Изнемогает... пал... Так ломит кедр гроза.
Он пал, с его чела вам смотрит смерть в глаза,
Спускают занавес. Как бурные порывы:
«Его! Его! Пусть нам он явится! Сюда!»
Нет, люди, занавес опущен навсегда,
Кулисы вечности задвинулись. Не выйдет!
На этой сцене мир его уж не увидит.
Нет! – Смерть, которую так верно он не раз
Во всем могуществе изображал для вас,
Соделала его в единый миг случайный
Адептом выпреним своей последней тайны.

Прости, собрат-артист! Прости, со-человек!
С благословением наш просвещенный век

На твой взирает прах несуетным оком
И мыслит: ты служил на поприще высоком,
Трудился, изучал язык живых страстей,
Чтоб нам изображать природу и людей
И возбуждать в сердцах возвышенные чувства;
Ты жег свой фимиам на алтаре искусства
И путь свой проходил, при кликах торжества,
Земли родимой в честь и в славу божества.

Середина марта 1853

Ф. Н. Глинке

Здравствуй, деятель и зритель
Многих чудных жизни сцен,
Музы доблестной служитель,
Наш поэт и представитель
Славных дедовских времен!

Знал ты время, ведал лета,
Как людьми еще был дан
В мире угол для поэта
И певец пред оком света
Чтил в себе свой честный сан.

В лоне мира – песнью мирной
Он страдальцев утешал,
На пиры – нес клик свой пирный,
В бранях – благовестью лирной
Доблесть храбрых возвышал.

Нес в величье он спокойном
Тяжесть дольного креста, –
Пел ли радость гимном стройным –
Он глумленьем непристойным
Не кривил свои уста;

И не мнил он обеспечить
Беззаконный произвол –
В русском слове чужеречить,
Рвать язык родной, увечить
Богом данный нам глагол.

И над этой речью кровной,
Внятной призванным душам,
Не был вверен суд верховный
Дерзкой стае суесловной –

Дел словесных торгашам.

Грустных новостей в пучине
Мы, поэт, погружены,
Но от прежних лет доньше
Честно верен ты святыне
Благородной старины.

И за то своим покровом
Сохранил в тебе господь

Эту силу – звучным словом,
Вечно юным, вечно новым,
Оживлять нам дух и плоть.

Помню: я еще мальчишкой
Рылся в книжках, и меж них
За подкраденною книжкой
Поэтической вспышкой
Зажигал меня твой стих;

Слух и сердце он лелеял, –
И от слова твоего,
От семен тех, что ты сеял,
Аромат библейский веял –
Отзыв неба самого.

Ты Карелии природу
В метких ямбах очертил,
Ты Двенадцатому году
В радость русскому народу
Незабвенным эхом был.

И теперь, на нас лишь канул
Бранный дождь, твоя пора
Не ушла: ты вмиг воспрянул
И по-русски первый грянул
Православное «ура».

Средь болезненного века
Жив и здрав ты, – честь! хвала!
Песнь живого человека
И до серба, и до грека
Христианская дошла.

Крест – нам сила, крест – наш разум.
К нам, друзья! – Из-за креста
Мы весь мир окинем глазом
И «на трех ударим разом
Со Христом и за Христа!»

12 мая 1854

Выпущенная птичка

Еще зеленеющей ветки
Не видно, – а птичка летит.
«Откуда ты, птичка?» – «Из клетки», –
Порхая, она говорит.

«Пустили, как видно, на волю.
Ты рада? – с вопросом я к ней. –
Чай, скучную, грустную долю
Терпела ты в клетке своей!»

«Нимало, – щебечет мне птичка, –
Там было отраднo, тепло;
Меня спеленала привычка,
И весело время текло.

Летучих подруг было много
В той клетке, мы вместе росли.
Хоть нас и держали там строго,
Да строго зато берегли.

Учились мы петь там согласно
И крылышком ловко махать,
И можем теперь безопасно
По целому свету порхать».

«Ох, птичка, боюсь – с непогодой
Тебе нелегко совладать,
Иль снова простишься с свободой, –
Ловец тебя может поймать».

«От бурь под приветною кровлей
Спасусь я, – летунья в ответ, –
А буду застигнута ловлей,
Так в этом беды еще нет.

Ловец меня, верно, не сгубит,
Поймав меня в сети свои, –
Ведь ловит, так, стало, он любит,
А я создана для любви».

Август 1854

Любовь музыканта

Посвящено А. Г. Рубинштейну

Царь я, – все звуки – мне слуги покорные,
Войско державы моей.
Будь мне царицей! Глаза твои черные
Царских алмазов светлей.
Полный мечтами и думами гордыми,
В бурном порыве любви
Я всколыхну громовыми аккордами
Жаркие перси твои.
Весь я проникнут восторгом и муками, –
Созданный весь из огня,
Я упою тебя чудными звуками, –
В них ты прочувствуй меня!
В страстном огне, перерывы дыхания
Выразит струн моих звон,
Шепот «люблю», и печатью лобзания
Знойно подавленный стон.
Я облекусь в торжество триумфальное, –
И, как волну к берегам,
Разом всё царство мое музыкальное
Брошу к твоим я ногам.

Между 1848 и 1854

Рашель

(Написано после появлений ее в ролях Федры и Гермионы)

От берегов тревожных Сены,
Предвозвещенная молвой,
Верховной жрицей Мельпомены
Она явилась над Невой.
Старик Расин взрывает недра
Своей могилы и глядит, –
Его истерзанная Федра
В венце бессмертия стоит,
Гнета грузом украшений,
Преступной страстью сожжена,
И средь неистовых движений
Античной прелести полна.
То, мнится, мрамор в изваянье
Пигмалионовски живой
Томится в страстном истязанье
Пред изумленною толпой.
Из жарких уст волной певучей
Течет речей волшебный склад,
То, металлически гремучий,
Он, раздробленный в прах летучий,
Кипит и бьет, как водопад,
То, пересекаясь знойным криком,
Клокочет он в избытке сил,
То замирает в гуле диком
И веет таинством могил.

Вот дивный образ Гермионы!
Как отголоски бурь в глуши,
Широкозвучны эти стоны
Пронзенной ревностью души,
Один лишь раз, и то ошибкой,
Надежда вспыхнула на миг,
И гордой греческой улыбкой
Прекрасный озарился лик, –
И вновь ударом тяжелой вести
Елены дочь поражена –
Вся пламенеет жаждой мести, –
Троянка ей предпочтена.
Как вид подрытого утеса.
Что в бездну моря смотрит косо,
Чело громадное склоня,
Спокойно страшен звук вопроса:
«Орест! Ты любишь ли меня?»
Под скорбным сердцем сжаты слезы:

«Отмсти! Восстань за свой кумир!
Лети! Рази! Разрушь весь мир!»
Взор блещет молнией угрозы –
Дрожи, дрожи, несчастный Пирр!
В глухих раскатах голос гнева
Мрет, адской гибелью гудя;
Ужасна царственная дева,
Как Эвменида... Уходя,
Она, в последнем вихре муки,
Исполнясь мощи роковой,
Змеисто взброшенные руки
Взвила над гневной головой –
И мчится – с полотна текущей
Картиной – статуей бегущей –
Богиней кары громовой.

И при захваченных дыханьях
Театра, полного огнем,
При громовых рукоплесканьях
Всего, что жизнью дышит в нем,
Зашевелился мир могильный,
Отверзлась гробовая сень...
Рашель! Твоей игрой всеильной
Мне зрится вызванная тень:
Наш трагик, раннею кончиной
От нас оторванный, восстал
И, устремив свой взор орлиный
На твой триумф, вострепетал.
Он близ тебя заметил место,
Где б ты могла узреть его
В лице Тезея, иль Ореста,
Иль Ипполита твоего.

1853 или 1854

Благодарю вас за цветы

Посвящено М. Ф. Штакенинейдер

Устранив высокопарность
Поэтической мечты,
Проще самой простоты
Приношу вам благодарность
За роскошные цветы,
В виде ноши ароматной,
Усладительной вполне,
С вашей дачи благодатной
Прилетевшие ко мне.

Здесь, средь красок дивной смеси,
Ярко блещет горлицет,
Под названьем «барской спеси»
Нам известный с давних лет.
Вот вербена – цвет волшебный, –
Он у древних славен был,
Чудодейственно целебный,
На пирах он их живил,
Кипятил их дух весельем,
Дряхлых старцев молодил,
И подчас любовным зельем
В кровь он римскую входил.
Чудный цвет! В нем дышит древность,
Жгуч как пламя, ал как кровь,
Пламенеет он, как ревность,
И сверкает, как любовь.
Полны прелести и ласки
Не анютины ли глазки
Здесь я вижу? – Хороши.
Сколько неги и души!
Вот голубенькая крошка –
Незабудка! Как я рад!
Незабвенье – сердца клад.
Вот душистого горошка
Веет райский аромат!
Между флоксов, роз и лилий
Здесь и ты, полей цветов, –
Здравствуй, добрый мой Василий,
Милый Вася – василек!
Сколько венчиков махровых!
Сколько звездочек цветных!
И созвездие меж них
Георгин пышноголовых,

Переброшенных давно
В европейское окно
Между множеством гигантских
Взятых за морем чудес,
Из-под светлых мексиканских
Негой дышащих небес.
Я люблюсь, упиваюсь
И признательным стихом
За цветы вам поклоняюсь –
И хотел бы, чтоб цветком
Хоть единым распустился
Этот стих и вам явился
Хоть радушным васильком;
Но – перерван робким вздохом –

Он боится, чуть живой,
Вам предстать чертополохом
Иль негодною травой.

23 июня 1854

Мелочи жизни

Есть муки непрерывные: не видно,
Не слышно их, о них не говорят.
Скрывать их трудно, открывать их стыдно,
Их люди терпят, жмутся и молчат.

Зарыты в мрак душевного ненастья,
Они не входят в песнь твою, певец.
Их благородным именем несчастья
Назвать нельзя, – несчастье – венец,

Венец святой, надетый под грозою,
По приговору божьего суда.
Несчастье – терн, обрызнутый слезою
Иль кровию, но грязью – никогда.

Оно идет как буря – в тучах грозных,
С величием, – тут его и тени нет.
Тут – пошлость зол и бед мелкозаноных,
Вседневных зол и ежечасных бед.

Житейский сор! – Едва лишь пережиты, –
Одни ушли, те сыплют пылью вновь, –
А на душе осадок ядовитый
От них растет и проникает в кровь;

Они язвят, подобно насекомым,
И с ними тщетна всякая борьба, –
Лишь вихрем бурным, молнией и громом
Разносит их могучая судьба.

1855

Малое слово о великом

На Руси, немножко дикой,
И не то чтоб очень встарь,
Был на царстве Царь Великой:
Ух, какой громадный царь!

Так же духом он являлся,
Как и телом, – исполин,
Чудо – царь! – Петром он звался,
Алексеев был он сын.

Мнится, бог изрек, державу
Дав гиганту: «Петр еси –
И на камени сем славу
Я созижду на Руси».

Много дел, зело успешных,
Тем царем совершено.
Им заложено в «потешных»
Войска дивного зерно.

Взял топор – и первый ботик
Он устроил, сколотил,
И родил тот ботик – флотик,
Этот флотик – флот родил.

Он за истину прямую
Дерзость дерзкому прощал,
А за ложь, неправду злую
Живота весьма лишал, –

А иному напомнимки
Кой о чем, начистоту,
Делал с помощью дубинки
Дома, в дружеском быту.

Пред законом исполина
Все стояли на ряду;
Сын преступен – он и сына
Предал смертному суду.

А под совести порукой
Правдой тычь не в бровь, а в глаз,
И, как Яков Долгорукой,
Смело рви царев указ!

Царь вспылит, но вмиг почует
Силу истины живой, –
И тебя он расцелует
За порыв правдивый твой.

И близ жаркой царской груди
Были люди хороши,
Люди правды, чести люди,
Люди сердца и души:

Друг – Лефорт, чей гроб заветный
Спрыснут царской был слезой,
Шереметев – муж советный,
Князь Голицын – боевой, –

Князь Голицын – друг победам,
Личный недруг Репнину,
Пред царем за дело с шведом
Тяжко впавшему в вину.

Левенгаупта без пощады
Бьет Голицын, весь – война.
«Князь! Проси себе награды!»
– «Царь, помилуй Репнина!»

Царь с Данилычем вел дружбу,
А по службе – всё в строку,
Спуску нет, – сам начал службу
Барабанщиком в полку.

Под протекциею женской
Не проскочишь в верхний сан!
Царь и сам Преображенской
Стал недаром капитан.

Нет! – Он бился под Азовом,
Рыскал в поле с казаком
И с тяжелым и суровым
Бытом воина знаком.

Поли воинственной стихии,
Он велел о той поре
Только думать о России
И не думать о Петре.

И лишь только отвоюет –
Свежим лавром осенен,
Чинно князю рапортует
Ромодановскому он.

И, вступая постепенно
В чин за чином, говорил:
«Князь-де милостив отменно,
Право, я не заслужил».

В это время Русь родная,
Средь неведения тьмы,
Чернокнижье проклиная,
Книг боялась, как чумы,

Не давалась просвещенью,
Проживала как пришлось
И с славянской доброй ленью
Всё спускала на авось, –

И смотрела из пеленок,
Отметаема людьми,
Как подкинутый ребенок
У Европы за дверьми.

«Как бы к ней толкнуться в двери
И сказать ей не шутя,
Что и мы, дескать, не звери, –
Русь – законное дитя!»

Как бы в мудрость иноземнее
Нам проникнуть? – думал он. –
Дай поучимся у немцев!
Только первый шаг мудрен».

Сердце бойко застучало –
Встал он, время не губя:
«На Руси всему начало –
Царь, – начну же я с себя!»

И с ремесленной науки
Начал он, и, в деле скор,
Крепко в царственные руки
Взял он плотничий топор.

С бодрым духом в бодром тела
Славно плотничает царь;
Там успел в столярном деле,
Там – глядишь – уж и токарь.

К мужику придет: «Бог помочь!»
Тот трудится, лоб в поту.
«Что ты делаешь, Пахомыч?»

– «Лапти, батюшка, плету,

Только дело плоховато, –
Ковыряю как могу,
Через пятое в десято».
– «Дай-ка, я те помогу!»

Сел. Продернет, стянет дырку, –
Знает, где и как продеть,
И плетет в частоковырку,
Так, что любо поглядеть.

В поле к праздному владельцу
Выйдет он, найдет досуг,
И исправит земледельцу.
Борону его и плуг.

А на труд свой с недоверьем
Сам всё смотрит. «Нет, пора
Перестать быть подмастерьем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.